

всего кодификаторы уничтожают, зашифровывают программы, файлы, документы и другие носители информации, что ведет к потере улик.

Следователь при осмотре места происшествия должен быть предельно аккуратен, чтобы не навредить технике, ее работоспособности. Поэтому необходимо создание специальных инструкций, которые позволят эффективно разбираться в особенностях данного вида преступлений и дадут криминалистический анализ деяний. Таким образом, российским криминалистам еще предстоит подробно изучить киберпространство, разработать эффективные тактические подходы к выявлению и расследованию киберпреступлений, которые в условиях глобального масштабирования более чем актуальны.

Актуальность преступлений информационного характера обуславливается сразу несколькими факторами. Популярность глобальной компьютерной сети Интернет, простота в использовании, анонимность – один из самых простых и желанных способов незаконного заработка для преступников. Частные компании нередко пренебрегают покупкой дорогих устройств, защищающих информацию от третьих лиц, результатом чего нередко являются денежные потери и «утечка» информации. Единичные киберпреступления преобразовались всего лишь за несколько лет в транснациональную киберпреступность.

Еще одной проблемой при расследовании преступлений в сфере кражи компьютерной информации стало то, что нет определенного закрепления понятия «киберпреступность» в законодательстве или же на международном уровне. Это вызвано постоянно изменяющимися способами совершения преступления, что затрудняет квалификацию преступных деяний. Так, В.А. Дуленко (учебное пособие «Использование высоких технологий криминальной средой. Борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации», 2007), Р.Р. Мамлеев, В.А. Пестриков считают, что «киберпреступность» – это любое преступление, совершенное с помощью компьютерной сети, т. е. любое преступление, совершенное в электронной среде.

Раскрываемость преступлений в сфере компьютерной кражи на данный момент в России довольно низкая. Основной причиной такого показателя является неспособность правоохранительных органов качественно раскрыть преступления. Одним из факторов этой проблемы является то, что сотрудники органов внутренних дел с такими преступлениями встречаются очень редко, поэтому опыт работы практически отсутствует, либо полученных практических знаний оказывается недостаточно. В связи с этим разработка определенного плана расследования таких преступлений – необходимость.

О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ПОТЕРПЕВШЕМ

В криминалистической науке взаимосвязь потерпевшего и подозреваемого при расследовании преступлений рассматривалась задолго до возникновения научно обоснованных данных в качестве направления для установления обстоятельств совершения преступления. Так, Г. Гросс отмечал, что «следователь не должен стесняться ни хорошей репутацией, ни положением «потерпевшего» в обществе, ни удачной обстановкой происшествия, ни вообще подобными условиями. В этих случаях важно не столько изобличение лживости жалобы, сколько ограждение невиновных, на которых может пасть подозрение благодаря таким недостойным проделкам» [1, с. 33]. Подобная позиция основоположника криминалистики является ярким свидетельством того, что он выступал за всестороннее изучение потерпевшего, в том числе, и при приеме заявлений о совершении преступлений, анализ которых позволяет получить представление о содержащихся в них сведениях (оценить их на предмет достоверности).

В криминалистической литературе длительное время внимание акцентировалось на таких аспектах личности потерпевшего, как его поведение, установление взаимосвязи с другими участниками преступления [2, с. 16–17], что и в настоящее время достаточно активно используется как при характеристике участников уголовного судопроизводства при расследовании конкретных преступлений, так и при формировании частных криминалистических учений, в том числе, и учения о жертве преступления.

Развивая данные постулаты, Е.Е. Центров полагает, что: «Криминалистическое учение о жертве преступления – это опирающаяся на положения уголовного и уголовно-процессуального закона динамическая система криминалистических теоретических построений и фактических знаний о жертве преступления, ее криминалистически значимых особенностях личности, поведения, связей, взаимодействия и взаимоотношений с лицом, совершившим преступление, и другими лицами и объектами, имеющая целью разработку и совершенствование технических средств, тактических приемов расследования и предупреждения преступлений» [3, с. 46]. В рассматриваемом определении автором

употреблен термин «жертва» преступления. Это во многом объясняется тем, что процедура признания лица потерпевшим обусловлена процессуальными особенностями, в том числе и возбуждением уголовного дела, тогда как термин «жертва» не требует соблюдения данной процедуры. Кроме того, если в результате совершения преступления наступила смерть человека, то «потерпевшим» от преступления является труп. В данной ситуации логично употреблять термин «жертва». Исходя из анализа определения, предложенного Е.Е. Центровым, можно сделать вывод, что структура криминалистического учения о жертве представлена в нем следующими элементами: 1) жертва преступления; 2) криминалистически значимые: 2.1. особенности: а) личности жертвы; б) ее поведения; 2.2. связи, взаимодействия, взаимоотношения: а) с лицом, совершившим преступление; б) с другими лицами; в) с объектами.

В.И. Шиканов определял предмет криминалистической виктимологии посредством «взаимосвязи, взаимозависимости, которые закономерно возникают между преступником и его жертвой (потерпевшим) и проявляют себя вовне, обуславливая генезис и последующую динамику правонарушения, а также действия, направленные на сокрытие преступления и его следов» [4, с. 76]. Таким образом, В.И. Шиканов в структуру криминалистической виктимологии включал: 1) взаимосвязи и взаимозависимости между преступником и жертвой (потерпевшим); 2) закономерности между ними; 3) их проявления вовне; 4) действия, направленные на сокрытие преступления и его следов. Определяющее значение при этом имеют закономерности взаимосвязей и взаимозависимостей между преступником и его жертвой.

Анализ данных определений позволяет сделать вывод, что авторы: 1) фактически отождествляют жертву и потерпевшего, и не проводят разграничений в криминалистическом аспекте между ними; 2) подчеркивают наличие взаимодействия, взаимосвязи между жертвой (потерпевшим); 3) отмечают отражение взаимодействия, взаимосвязи вовне; 4) предпринимают попытки структурирования учения о потерпевшем (жертве); 5) выделяют динамический характер данной системы. Эти понятия вносят существенный вклад в развитие криминалистического учения о потерпевшем и принципиально сходны по своей сути. Вместе с тем, отметим, что понятие, сформулированное Е.Е. Центровым, более точно отражает сущность частного криминалистического учения, включая в себя общие положения и детально структурированные частные положения криминалистического учения о жертве.

Изучая проблемы криминалистической виктимологии, Н.Е. Шинкевич детализирует структуру предмета криминалистической викти-

мологии, выделяя, наряду с обозначенными выше, конкретные характеристики жертв преступлений; влияние ситуационного фактора на взаимодействие потерпевшего с преступником; классификацию «жертв (потерпевших) применительно к отдельным видам (группам) преступлений в зависимости от их роли в событии преступления и особенностей поведения на стадии предварительного расследования и в суде; труп как источник информации о личности потерпевшего; возможности, способы возмещения причиненного преступлением вреда, в том числе физической и психологической реабилитации жертвы (потерпевшего)» [5, л. 49–50].

Анализ данной структуры позволяет сделать вывод, что в ней нарушены основополагающие подходы к формированию предмета учения, в качестве которых прежде всего необходимо рассматривать закономерности какого-либо процесса, явления. Кроме того, труп как источник информации о личности потерпевшего, на наш взгляд, нецелесообразно выделять в качестве самостоятельного объекта изучения, отделяя его фактически от потерпевшего. Живой человек и труп это два состояния тела человека. Кроме того, вопросы возмещения вреда выходят за пределы уголовного судопроизводства и регламентируются нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, поэтому полагаем, что включать их в систему криминалистического учения о потерпевшем не вполне обоснованно.

Помимо этого перечисление в понятии предмета криминалистической виктимологии элементов структуры, на наш взгляд, перегружает терминологически определение понятия, поэтому необходимо использовать общие положения, исходящие из предмета криминалистики, и закономерно связанные с объектом исследования криминалистической виктимологии.

В этой связи, полагаем, что предметом криминалистической виктимологии являются закономерности формирования свойств и состояний жертвы преступления, возникновения информации о них, и основанные на данных закономерностях средства, приемы и методы собирания, исследования, оценки и использования данной информации в целях выявления, расследования и предупреждения преступлений.

Объект криминалистической виктимологии двуедин и включает в себя, во-первых, жертву преступления (его свойства и состояния) и, во-вторых, деятельность уполномоченных органов по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации о жертве преступления (его свойствах и состояниях) в целях выявления, расследования и предупреждения преступлений.

Цель криминалистической виктимологии заключается в познании сущности закономерностей возникновения информации о жертве и закономерностей деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию полученной информации о ней, разработка на их основе теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на эффективную организацию и осуществление деятельности по установлению жертвы преступления.

Основные задачи криминалистической виктимологии предопределены ее целью. В качестве задач можно выделить:

1) познание сущности закономерностей возникновения информации о свойствах и состояниях жертвы преступления, которые базируются на научных положениях теории отражения и проявляются в следах (материальных, идеальных, виртуальных);

2) изучение закономерностей деятельности уполномоченных органов по собиранию, исследованию, оценке и использованию информации в соответствии с типологизацией жертв преступлений;

3) разработка системы теоретических и практико-ориентированных положений, направленных на эффективную организацию и осуществление деятельности по установлению жертвы, характера взаимоотношений между ней и иными участниками преступного события, поведения жертвы до, в момент и после совершенного преступного деяния;

4) рассмотрение видов воздействия на жертву преступления со стороны заинтересованных лиц, формы противодействия расследованию, оказываемые жертвами преступлений.

Структуризация накопленных знаний, в том числе и криминалистических, обусловлена объективными предпосылками и носит методологический характер. Структура связана с определением логически связанных между собой компонентов, которые образуют ее содержание. Структурно криминалистическая виктимология может быть представлена общими положениями криминалистической виктимологии (исторические аспекты формирования криминалистической виктимологии; понятие, объект, предмет криминалистической виктимологии; понятие жертвы преступления, их типологизация; структура криминалистической виктимологии и ее место в системе криминалистики; цели, задачи, функции криминалистической виктимологии; методологические основы криминалистической виктимологии, связь криминалистической виктимологии с другими науками, частными криминалистическими учениями) и частными положениями криминалистической виктимологии (источники криминалистически значимой информации о жертве; методы и средства изучения; направления использования полученной информации в выявлении, расследовании и предупреждении преступлений и др.).

1. Гросс, Г. Руководство для следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1046 с.

2. Мудьюгин, Г.Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего / Г.Н. Мудьюгин. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1967. – 138 с.

3. Центров, Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем / Е.Е. Центров. – М. : МГУ, 1988. – 159 с.

4. Шиканов, В.И. О криминалистической виктимологии / В.И. Шиканов // Виктимология и профилактика правонарушений : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1979. – С. 75–83.

5. Шинкевич, Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Е. Шинкевич. – Смоленск, 2004. – 237 л.

УДК 343.98

И.А. Мороз, В. Чжу

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Криминалистические технологии требуют постоянного обновления. Внедрение в криминалистическую практику достижений научно-технического прогресса представляет перманентную задачу для правоохранительных органов. В этой связи для государственных органов, осуществляющих предварительное следствие, дознание, судебно-экспертную деятельность, большое значение имеет научно-аналитическое сопровождение. В организационном плане такое сопровождение обычно осуществляется специализированными научными организациями, подразделениями или научно-консультативными советами – так называемыми мозговыми центрами. Органы предварительного следствия, дознания и судебной экспертизы в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике (КНР) не обходятся без собственных мозговых центров.

Наиболее ярко потребность в создании мозговых центров для решения задач технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений проявилась на рубеже XX–XXI вв., когда оказалось, что в экспертных подразделениях не оказалось специалистов, способных